

ВНОВЬ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ИСТОРИИ: ЕВРОСОЮЗ - ЗАТУХАЮЩИЙ ЦЕНТР СИЛЫ?

Ещё совсем недавно, несколько лет назад, Европейский Союз пребывал в состоянии воодушевления и даже эйфории по поводу своего настоящего и будущего. Большой общественный резонанс и одобрение вызывали книги с такими громкими названиями, как «Европейская мечта» или «Почему Европа будет первенствовать в XXI веке». Мегарасширение ЕС в 2004 г. придало интегрирующейся Европе невиданный ранее размах и динамику, а вместе с этим и самоуверенность.

Вспоминаю, как за год до этого посетил в составе российской делегации один из директоров Еврокомиссии. Местный брюссельский чиновник с убеждённой до автоматизма, вещал нам о том, насколько благотворными для ЕС будут последствия грядущего расширения. Евросоюз предвкушал принятие конституции. Его экономика вместе со всем миром пожинала плоды беспрецедентного по своей длительности роста. Способность лидеров Германии, Франции и ряда других европейских стран бросить вызов неоконсерватизму внешней политики Вашингтона указывала на возможность обретения ЕС своего собственного видения мировой политики.

В 2010 г. от прежних завышенных ожиданий не осталось и следа. Конституция провалилась. Мировой экономический кризис до основ потряс социально-экономическую модель развития Евросоюза. Будущее не только его отдельных стран-членов -лидеров по бюджетным дефицитам и государственному долгу, но и еврозоны в целом, туманно и вызывает опасение. С большим трудом вступил в силу Лиссабонский договор, в очередной раз высветивший проблему демократического дефицита в отношениях между европейскими народами и брюссельской бюрократией. Он, как и принятый в авральном порядке стабилизационный фонд для спасения Греции, а в будущем, скорее всего, и не только её, дают осторожную надежду на фоне мрачных прогнозов о будущем ЕС.

Однако в прошлое навсегда ушло благодушное ожидание поступательного и практически гарантированного развития Союза. Его доля в мировом ВВП в следующие десятилетия продолжит своё снижение. Неминуемо нарастание проблем, связанных с демографическим упадком Европы и с её миграционными реалиями. Гравитационное поле «мягкой силы» ЕС постепенно теряет свою былую мощь, а европейская политика в области безопасности и обороны влечит жалкое существование в условиях повсеместного снижения оборонных бюджетов.

Вместо прекраснoдушных лозунгов о европейском лидерстве в новом столетии всё шире распространяются скептические настроения. Ведущий политический обозреватель газеты «Фай-неншл Тайме» Филип Стефенс пишет прямо: «Я чувствую, как континент (Европа - *Авт.*) соскальзывает в будущее второразрядной силы». Ричард Хаас, председатель американского Совета по международным отношениям, говорит о том, что проект Европы, как мирового центра силы, идёт ко дну. Барак Обама не участвует в празднованиях годовщины падения Берлинской стены, а затем не приезжает на саммит ЕС - США. Для многих амбициозность Европы превратилась в пустой звук после исхода выборов на посты председателя Европейского совета и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности.

Что же происходит в действительности? Куда идёт Европа?

Последние годы положили конец эпохе Великого спокойствия в мировой и европейской истории последних десятилетий. Мы продолжаем жить во времена больших перемен, связанных со становлением многополярного мира нового качества и с глобальными сдвигами политэкономического характера. Государствам ЕС, России, другим европейским странам в этих экстремальных условиях необходимо решать, как бы трудно это ни было, не только сиюминутные проблемы кризисного реагирования и регулирования, но и, преодолевая низкие горизонты политических циклов, выработать и принимать решения на перспективу, глубиной в несколько десятилетий. Если Европа в целом хочет развить, закрепить и удержать свои позиции одного из центров силы в XXI в., ей необходимо быстрыми темпами создавать панъевропейское пространство экономики, безопасности, выработать совместные механизмы принятия внешнеполитических решений. Если рассуждать здраво, то ясно, что ни Евросоюз, ни Россия порознь с этими задачами не справятся.

Огромную роль играет, и будет играть, фактор политического лидерства. Одним из залогов успешного развития Большой Европы являются отношения по-настоящему стратегического партнёрства между Москвой, Берлином, Парижем, Римом, Варшавой и другими столицами. Германия и Франция, в особенности, проявили способность к стратегическому мышлению, в том числе в области отношений с Россией. Об этом красноречиво говорят «Северный поток» или планы по сотрудничеству в военной сфере. В Евросоюзе по-прежнему определяющее значение имеет тандем Франция - Германия. Это сердцевина ЕС, что остаётся непреложным фактом и в условиях членства в нём 27 государств. Но в сфере политического лидерства существуют серьёзные проблемы и вызовы. Рейтинги популярности Ангелы Меркель и Николя Саркози как никогда низки. Уже не раз возникало ощущение, что Париж и Берлин больше озабочены решением внутренних проблем, чем лидерством в Евросоюзе.

Однако у ЕС, похоже, шансы на то, что он справится с наиболее опасными текущими вызовами, есть. Принят Лиссабонский договор. Появилась надежда на нормализацию ситуации в еврозоне после одобрения стабилизационного фонда в 750 млрд евро. Решимость европейских политиков взять ситуацию на финансовых рынках под свой контроль демонстрируется введёнными Европарламентом мерами по ограничению объёма выплат премиальных в банковском секторе, введением налога на финансовые операции.

В то же время не существует гарантии вечного успеха проекта евроинтеграции. В Евросоюзе - несколько центров управления, часто конфликтующих. В нём сильны противоречия, связанные с неравномерностью политического, социально-экономического развития государств-участников. Об этом красноречиво свидетельствуют такие ныне модные аббревиатуры, как Р1Ю8. Количественные параметры расширения ЕС вширь в последнее десятилетие взяли вверх над качественными параметрами расширения вглубь. Евросоюз часто претендует на много большее, чем он может себе позволить, особенно в свете низкой эффективности (или отсутствия) механизмов принятия решений в сферах внешней политики, безопасности, фискальной, бюджетной политики.

Каковы сильные и слабые стороны Евросоюза перед лицом вызовов XXI в.? В череде первых, безусловно, достижения политики «мягкой силы», с помощью которой он превратился, возможно, в самую успешную региональную организацию на планете. Несмотря на все сложности, встречающиеся ЕС на пути, перед входной дверью с надписью Европейский Союз до сих пор «толпятся» желающие попасть вовнутрь. ЕС (по крайней мере, его страны - сторожилы) может по праву гордиться успехами модели социального рынка, которая превратила эту часть Европы в одно из самых благополучных пространств проживания. Принцип социальной сплочённости прогрессивен и перспективен. Уникальное изобретение - «пул суверенитетов», позволяющий ЕС одной ногой стоять в постмодернистском мире. В копилке Евросоюза - выработка своего нарратива, развитие усилиями западноевропейских мыслителей новой системы ценностей, включающей, помимо «мягкой силы», социальный рынок и «пул суверенитетов», принципы многосторонности и устойчивого развития. Способность ЕС к сопротивлению внешним и внутренним разрушительным факторам во многом зиждется на принципе солидарности, который всё чаще перестаёт быть декларацией и претворяется в жизнь.

У Евросоюза немало козырей, но его слабые стороны не менее существенны. Ему в целом, в отличие от ряда стран-членов, очевидно не достаёт стратегического мышления, несмотря на все амбициозные планы дальнейшего расширения. Тем более, ЕС не способен, да пока и не стремится, в ближайшем будущем претендовать на роль политико-военного игрока.

Большой проблемой, масштабы которой резко выросли за последнее десятилетие, является разношёрстность социально-экономических моделей государств-участников, а главное - неравномерность их развития. Бомба замедленного действия - снижение в Европе рождаемости и прогрессирующее старение населения вкупе с нарастающей иммиграцией из-за пределов ЕС. Терроризм превратился из внешней во внутреннюю угрозу для его безопасности. На грани коллапса - интеграционные модели европейских государств под натиском нового «переселения народов». Ни мультикультурные эксперименты по-британски или по-немецки, ни ассимиляционные по-французски так и не решили проблему полноценного вовлечения мигрантов и беженцев в жизнь коренных сообществ.

Евросоюз переоценил свои возможности в процессе своего расширения, что привело к перенапряжению сил, как экономических, так и политических, восстановление которых займёт ни один год и даже десятилетие. Значительным тормозом остаётся проблема национальных эгоизмов как неизбежное следствие дуалистической супранациональной - национально-государственной природы ЕС.

На последнем противоречии и одновременно внутренней пружине Евросоюза хочется остановиться подробнее. ЕС - это идентичность и национальная, и общесоюзная, между ними - хрупкий баланс. Да, пул суверенитетов означает и пул идентичностей, однако национальные государства, включая участников ЕС, до сих пор и на обозримую перспективу останутся главным действующим лицом международных отношений и главным субъектом во взаимодействии между гражданином и окружающим миром. С точки зрения нарратива Евросоюза общеевропейская идентичность обязательна; с точки зрения национального государства, передача его национальной идентичности «наверх», то есть её растворение, должно быть строго дозировано. Суверенитет государства является заливочной формой его национальной идентичности. Встаёт вопрос: если ЕС не имеет и не собирается приобретать полноценного суверенитета, то может ли он иметь полноценную идентичность?

Европейский интеграционный проект питается местными идентичностями и суверенитетами. Именно они, национальное почвенничество, придают ему устойчивость снизу, как корни держат дерево, но также и формируют его «крону», верхушечную часть проекта - «пул суверенитетов», который и делает ЕС столь уникальной одновременно и международной, и наднациональной организацией. Без национальных идентичностей не могла бы появиться и общесоюзная. Однако они же являются не только благословением, но и проклятием. Они могут играть как созидательную, так и разрушительную роль в процессе развития ЕС.

Пока первичный суверенитет зиждется на фундаменте национального государства, общеевропейская идентичность будет для подавляющего

большинства жителей этой части Европы неизменно оставаться вторичной, быть срединной, промежуточной, слабо конкурирующей с национальной. Займёт ли когда-либо общеевропейская идентичность более прочное положение, зависит от дальнейших путей трансформации и метаморфозы национальных государств.

Думается, что национальные флаги и гимны, а не иные символы и атрибуты власти, ещё долгое время будут сильнее всего заставлять биться сердца жителей Старого Света.